

TERRA INCOGNITA

Проезд без масок запрещён

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Terra Incognita

Проезд без масок запрещён

<https://litres.ru/74313882>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой истории медицинские маски ковидной эпохи стали метафорой масок социальных, за которыми мы прячем свои страхи и одиночество.

Герои — люди, ищущие того, кто услышит их «сигнал на уникальной частоте», словно знаменитый кит на 52 герца. Через переплетение их судеб книга исследует одиночество, поиск себя и мужество остаться собой в мире, где это стало рискованным поступком.

В центре сюжета— четыре персонажа, чьи жизни необратимо меняются после встречи с Машкой — девушкой с огненно-красными дредами, которая сражается в гаражах, читает «Тибетскую книгу мёртвых» и верит, что, съев сердце гадюки, стала бесстрашной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Terra Incognita

Поезд без масок запрещён

Глава 1

Мишка неделю не ходил на тренировки – болел ангиной. Слабое горло мучило его с детства. Чуть что – холодный компот или мороженое, тут же температура и кашель. Он основательно уходил недели на три, вызывали докторов, назначались антибиотики. Казалось бы, с виду крепкий, спортсмен и такое горло.

В этот раз, с подозрением на ковид, он собирался фило-нить минимум месяц и прогуливать пары без зазрения совести. Но случилось непредвиденное – в их секции по тайскому боксу появилась девочка.

И какая! Друг его Витька Громов писал всю тренировку, не выпуская телефон из рук. С ярко-красными дредами, словно из гипса, девочка-кай, не улыбнувшаяся ни разу, глядя куда-то вглубь, уделала их по очереди. Местная вроде, где-то в северной столице жила, участница боёв без правил. Мишка не мог спокойно смотреть свой сериал.

- Ну, как она, что она, – строчил он в WhatsApp.
- ЯБВ, – Витька был краток.
- Ну сфоткай её что ли, сними на видео.

Витька включил было камеру, когда она встала в пару с тренером Анатолием Евгеньевичем, но тот, заметив папарацци, отвесил ему подзатыльник и телефон был конфискован.

У них там как в армии – тренер зверь с пацанами, но если появится девочка, то для неё все привилегии и правил нет. Парни были в восторге от этой вакханалии, обсуждали её великолепную вертушку, когда она зарядила тренеру кроссовкой в челюсть. Анатолий Евгеньевич хохотал, показывал всем свою разбитую губу, жал ей руки и кричал: «Вот это девочка! Вот это чертовка!».

До самого вечера Мишка маялся в жутком волнении, вечером вернулся Витька – десятиклассник, сосед по лестничной клетке.

– Ну что там было, – прохрипел больным горлом Мишка в приоткрытую дверь.

– Сам смотри, – Витька засветил бланшем под левым глазом, – как мне теперь с этим в школу ходить? С каким-то звериным оскалом зарядила, не успел прикрыться. Евгений ржал всю тренировку.

– С кем ещё ставил в пару?

– Потом уже сам с ней занимался, называл нас бабами, – Витька сплюнул, – обижает пацанов.

Мишка нахмурился, – ну, ладно, не буду заражать, – хотел побыть один в своём волнении.

– Машкой зовут, – успел прокричать Витька в закрываю-

щуюся дверь.

Маша. Мишка весь вечер произносил это имя. Вечером в их закрытую группу ВКонтакте добавилась явно девочка, с принцессой Мононоке на аватарке. Профиль закрыт, вместо имени иероглифы. Зачесались руки постучаться к ней в друзья. На удивление, она приняла заявку. Внутри ещё были картинки, музыка, мульты, цитаты, видео с тренировок, но её – нигде, и фотки ни одной.

«Всё же, имя какое хорошее», – думал он. Как сподручно будет Евгеньичу сказать: «Маша, встань в пару с Мишей». Маша, стань парой Миши. Он разгрыз таблетку Стрепсилс и побежал полоскать горло. Нужно было срочно выздороветь и к четвергу быть как огурчик. В институт, конечно, не идти – первым делом на тренировку. Мать пришла с работы и удивилась, чего это он не лежит умирающим лебедем, не просит сырников со сгущёнкой, а полощет горло уже в десятый раз и отжимается.

Когда добрался до спортивного комплекса, привычная раздевалка показалась чужой. Что в ней изменилось не сразу понял. Да всё не так: вещи не лежат комом, а свёрнуты, бутсы стоят аккуратно. И запах не как обычно, что не вдохнуть, а как в парфюмерной лавке. Мишка в каком-то ознобе переоделся, тоже аккуратно сложил свои вещи и побежал в зал. Там уже всю разминку. Тренер кивком дал понять, что Мишка замечен, а взглядом – что уже десять минут, как он прохлаждается. Парень поспешил встать в шеренгу бега-

ющих и прыгающих ребят, всё крутил головой, но нигде не видел красных волос.

Там в шеренге действительно была девочка, явно новенькая, они забредают на рекламный плакат. Только это была не она: небольшого роста со светлыми длинными волосами и кукольным лицом. Эта долго не продержится – Евгеньича никто не выдержит долго. Мишка и сам порой рыдал от его выходок, но он с ним уже пятый год. А девочки... Они такие девочки. Хотя, с ними он иначе себя ведёт. Мишка потом ухмыльнулся, как потешно и с озверением молотила эта новенькая грушу. Щёки дрожали от ударов. А потом он услышал фразу, которую себе так долго воображал, что даже в висках застучало.

– Миша, встань в пару с Машей!

Она посмотрела на него снизу вверх. На глазах пелена слёз, шмыгнула носом, утёрла перчаткой, щёки красные, вспотела. Мишка глянул на Анатолия Евгеньевича в недоумении и отчаянии. Получил в ответ многозначительный взгляд, означающий – аккуратней с ней, она же девочка. Мишку часто ставили с такими, тренер считал его почему-то джентльменом. Вовка что ли наврал всё? Вот гад! Лучше бы он и дальше болел.

Глава 2

Мария Сергеевна всегда была благоразумной. Учительница русского и литературы: сначала золотая медаль, потом институт, красный диплом, работа, чисто женский коллектив, на всех один физрук. Дома вечные эти тетрадки, проверка домашних работ, сочинений. Дача, мама с тоненькими ниточками поджатых губ. Маша видела, что другие устраивают личную жизнь, но это проходило мимо неё каким-то фоном.

Как же она радовалась, что сразу после института взяли в школу. Как помнила свой первый педсовет, где, задыхаясь от волнения, держала руки на коленках, чтобы не было видно, что они дрожат. Ей дали классное руководство в десятом «Б». Такое доверие молодому специалисту. Такой уже взрослый класс. Она ещё не поняла тогда, почему географичка Татьяна Никитична прошептала, что закажет за неё сорокоуст. Маша всю ночь не спала, листала свои учебники и думала, как вложить знания в эти юные головы, как их вдохновить, направить к свету, в каком ракурсе преподнести всё это великое наследие русской литературы.

Проблемы начались на первом уроке. Мальчик по имени Витя Громов держал в страхе весь класс и учителей. Он вставал, когда вздумается, выкрикивал свои реплики, уходил, приходил, выгнать его было невозможно и нельзя. Мария Сергеевна кричала так, что сорвала голос, пытаясь уста-

новить дисциплину. В ответ был лишь смех и издёвки. Схватила его за куртку, послышался хруст рвущейся ткани.

– Ну всё, вы мне куртку порвали, – сказал Витя и так её оттолкнул, что она чуть не стукнулась об шкаф. – Будете теперь мне новую покупать.

Первый урок закончился слезами.

– Зря Вы его трогали, – шептала Татьяна Никитична, ка-
пая ей корвалол. – Там наверняка психиатрический диагноз. Неконтролируемые вспышки агрессии, совершенно не знаешь, что ему взбредёт. Это бандит, и отец его, прости господи, и мать, и вся семейка. Палец в рот не клади, откусят по локоть. Он в этой куртке лет десять ходит, а с вас потребуют как за новую.

Татьяну Никитичну, педагога со стажем, уже раза три уво-
зили с их уроков на скорой. Маша всё ждала, когда он при-
дёт с отцом, но он приходил сам, в рваной куртке и стал ещё
злее. Пыталась его игнорировать, вызвала к совести, плакала,
кричала, угрожала двойками. Никто ничего не боялся. В
конфликтах завуч зачастую была на стороне родителей. Мария
Сергеевна оказалась бесправной в этой войне.

У завуча Анжелы Германовны, преподающей физику, голос
тоненький и визгливый. Позовёт на педсовет, как по
стеклу царапнет. Маленькая, носик остренький. Тёмные волосы
зачёсаны назад. Так на затылке прячет маленькую лысинку,
но ей это не удаётся, потому как голову она держит так,
что на носик её можно вешать пальто.

Контры у Марии Сергеевны начались с ней и с директрисой Раисой Петровной, подругой Анжелы Германовны. Директриса объёмная грузная баба с большими губами, красными от растёкшейся помады. На ней растекалось всё, а одежда иной раз так трещала, что казалось, ещё мгновение, произойдёт взрыв и туго упакованная плоть вырвется на свободу. На голове она носила трёхэтажное гнездо и преподавала математику.

На уроках появлялась редко, – жаловался десятый «Б». – Когда приходила, устраивала контрольные и орала.

Анжела Германовна часто заглядывала, тихонечко шептала ей что-то в ухо. Обе они хохотали: Раиса Петровна громогласным басом, Анжела Германовна тоненькими коротенькими смешками.

Гнездо сотрясалось, паричок подпрыгивал. Иной раз так хохочут, что до слёз. Анжела Германовна краешком платка промокает уголки глаз. А Раиса Петровна трёт пальцем и без того расплывшийся карандаш. Анжела Германовна говорила ученикам, что им повезло, ведь Раиса Петровна педагог высшей категории. В свою очередь, Раиса Петровна басила, что повезло им с Анжелой Германовной. Часто они спорили, кто из них педагог высшей категории.

На переменах они плыли по коридору, прикрыв глаза от удовольствия. Раиса Петровна, склонив гнездо на бок, с любовью смотрела на Анжелу Германовну. Та поддерживала её, особенно бережно на ступеньках, и смотрела снизу вверх,

так, что остренький носик торчал колышком.

Когда было собрание в актовом зале, раздавали грамоты, Анжела Германовна стояла на сцене за трибуной и царапала по стеклу в микрофон. Из-за трибуны только и видно было, что дергающийся паричок. Вдруг она пронзительно скрипнула:

– А сейчас перед нами выступит, не побоюсь этого слова, лучший педагог в нашей школе, педагог высшей категории, Раиса Петровна!

Бурные аплодисменты, зал в экстазе. Слышится топот, грузная Раиса Петровна поднимается на сцену и накрывает трибуну грудью.

– Что вы, – раздаётся её смущённый бас, – педагог высшей категории у нас Анжела Германовна. Микрофон свистит.

В воздухе возникает и качается маятником указательный пальчик Анжелы Германовны. Слышится тоненький скрип:

– Не спорьте, Раиса Петровна!

– Ну, опять вы начинаете, Анжела Германовна, – хохочет директриса в микрофон, и гнездо дрожит.

Так они и не определились, кто из них педагог высшей категории. Мария Сергеевна, конечно, не была таким педагогом, поэтому грамоту ей не дали. Ей не дали даже кабинет, вернее, сначала дали, а потом отобрали для учителя труда, который был братом Анжелы Германовны. Со своими учебниками и стопками тетрадей она скиталась туда-сюда.

Когда приезжала комиссия, то конечно находила в школе

нарушения. Замечали также, что нет кабинета для молодого учителя русского и литературы. Но всегда школьная администрация брала комиссию под рученьки и вела в столовую. Чтобы отведать, как говорится, чем бог послал. Для комиссии бог посылал иначе, нежели для учеников и учителей без высшей категории. Раиса Петровна громогласно басила, Анжела Германовна тихонечко хихикала. Проводив комиссию, подруги шли домой, бережно друг дружку поддерживая. Кабинет Марии Сергеевне так и не дали.

Для неё в школе было множество неожиданных открытий. Для некогда выпускницы гуманитарного класса, было удивительным, что дети не хотят ничего читать. Никто из десятого «Б» не прочёл «Войну и мир», заданную на лето. Они не стеснялись даже и заявили, что не собираются читать этот кирпич.

– Это сейчас никому не интересно! – заявили дети. – Сами читайте эти портянки с французскими диалогами и описаниями природы. Одного дуба на пол романа. Кому нужно, как плакала ива, и клён распустил свои кудри? К тому же, масса непонятных слов. Толстому делать было нечего, он настрочил, а мы теперь мучайся.

Дети с полной уверенностью считали, что если они ознакомились с кратким содержанием, этого достаточно. Что говорить, они не читали даже краткое содержание, а слушали пересказ тех, кто читал. Им главное было выловить суть конфликта. Мария Сергеевна гнала их в библиотеку за бумаж-

ными изданиями, но туда никто не шёл. Она восприняла это как личную трагедию – она должна, должна воспламенить их сердца, взрастить любовь к классической русской литературе. Но как это сделать было непонятно.

Маша не знала, как они будут писать сочинения и тесты, но они писали. Дети так быстро гуглили, что она едва успевала вытереть с доски, как они уже нашли половину сочинения. Отбирала их гаджеты, но по хитрым и довольным глазам понимала, что они всё же гуглили, непонятно каким образом.

Проверять эту копипасту было не очень интересно. Но неожиданно её удивили сочинения Вити Громова. Там за курьезным почерком и ворохом орфографических ошибок, возник вдруг живой, пытливый ум. Она даже не поверила, что это тот самый, с порванной курткой. Его сочинения уходили от темы, он вообще не следил за темой, а просто рассуждал. Но он мучился, задавался вопросами о жизни, смерти, справедливости, любви. По его отчаянию было видно, что он не верит в старшее поколение и махнул рукой на весь его культурный опыт. Он искал ответы сам каким-то эмпирическим путём.

Она порылась в ящиках шкафов в подсобке и нашла кучу старых тетрадок. Прежняя учительница не успела разобрать их и выбросить. Оценкой его всегда была три с минусом и запись «Тема не раскрыта». Ошибки не проверены, его не читали вот уже лет десять. Он не раскрывал темы сочинений,

но он исследовал тему своих внутренних противоречий. Она наблюдала, как крепнет и эволюционирует его мысль, как в нём появляется злость. Его совершенно никто не видит. Это было очевидно и даже больно.

Что она, прочитавшая столько книг, могла ему ответить? Что могли ответить книги, ведь там тоже все мучились и задавались вопросами? Ответов не было, он их и не ждал. Он задавал вопросы себе сам, но к концу сочинения, хоть и не формулировал их чётко, приходил к какому-то успокоению. Это была исповедь. Она задумалась над оценкой, поставила четыре за содержание. За орфографию, конечно же, три.

Он всё также ходил в рваной куртке. Почему никто не покупал ему новую? Почему никто не зашил эту? Мария Сергеевна долго собиралась с духом и в один день, когда он сидел на подоконнике в пустом коридоре, подошла и сказала:

– Витя, я тебе куртку порвала. Сколько я должна тебе за куртку?

Он встрепенулся, словно от неё исходила угроза, и сказал очень хмуро и злобно, – нисколько.

– Тогда давай я тебе эту зашью.

– Не надо, – спрыгнул с подоконника и ушёл.

Маша стояла в растерянности. Она, и правда, дала бы денег, хоть на половину куртки.

После этого он стал тише. На уроке не перебивал её, не вставал, не выкрикивал гадости. Сидел с равнодушным видом, играл в телефон. Но по нескольким репликам и заме-

чаниям, стало ясно, что он её слушает. И глядя на него, слушали остальные. Когда раздала проверенные тетрадки, он свою проигнорировал. Потом открыл и долго на неё смотрел. Четыре/три. Прозвенел звонок, он свернул тетрадь, сунул в карман и молча вышел.

Глава 3

Маша снимала однушку, недавно съехала от мамы на Юбилейный. Сначала вдвоём с девочкой, потом девочку сократили, и та вернулась жить к родителям. Маша упрямо не хотела к матери, жить одной было накладно, она искала девочек в соседки, но никто не заселялся.

Соседка Катька, та ещё гулёна, ещё до отъезда советовала Маше сайт знакомств – мобильное приложение. У той телефон постоянно пиликал сообщениями, она пропадала вечерами, ночами, приходила с цветами.

– Скачай себе на телефон, – советовала Катя, собирая вещи, – а то будешь сидеть тут одна, скиснешь со своими тетрадками. Там куча парней, найдёшь себе. Только не рядись в эти шмотки, что тебе мать подбирает.

Маша отрещивалась от этой затеи, но ещё в первую волну карантина чуть не залезла на стену от тоски и зашла таки в Play market, скачала приложение, зарегистрировалась по номеру телефона, а потом и фотографии загрузила. Положила деньги на счёт и решила что-нибудь написать в ленте. Что написать? Маша задумалась.

Написала: познакомлюсь с умным, серьёзным, интеллигентным, ответственным, свободным, привлекательным и так далее, для серьёзных отношений. Писали вяло, но писали, с жуткими орфографическими ошибками, от которых у

педагога Марии Сергеевны сводило скулы, и дёргался левый глаз. Смайлики, поцелуи, розочки и прочую дребедень.

Маша вздыхала. Кто-то посмеивался, что таких не существует, тем более на этом сайте. Но с одним завязалась переписка. Он был симпатичным и настойчивым. А главное, писал без ошибок. Маша с детства обладала богатой фантазией. С такой фантазией она из пенька могла сделать деревце, если он мало-мальски отвечал на смс и пользовалось режимом Т9. Весь день они перебрасывались милыми сообщениями, он писал, что жутко хочет её увидеть, что она ему понравилась. Маша в этот день почему-то не чувствовала пола, когда ходила из кухни в комнату. С ним состоялось свидание в супермаркете в масках. Потом карантин сняли, и всё закрутилось.

Катька, если бы была рядом, конечно, остановила бы это безумие, пролив свой трезвый взгляд на её опьянённый распад. Если бы только её не сократили, и она не уехала жить к своим. Та всегда всё безошибочно оценивала, какая машина, наряд, часы, на что это можно раскрутить, до какого момента мариновать. Потому что Катька преподавала ОБЖ. Мария Сергеевна в этих делах была наивна, предоставлена себе и классической русской литературе.

Они встречались снова и снова. Он говорил, всё будет так, как ты захочешь, дом, семья, дети. Маша возразила: ну не может же быть всё так, как я захочу? Что-то, наверное, будет не так. Но он уверял, что ради неё пойдёт на любые жертвы.

Как можно было этому не верить? И потом, сорил деньгами, делал красивые жесты. Они строили планы на будущее. По-едем на море, в горы, в Египет посмотреть пирамиды, когда откроют границы. Мария Сергеевна поверила, что счастье будет вечным. Любовь, она, конечно, существует, в мобильном приложении такая мобильная.

Что-то смутно тревожное возникло в её душе в ту ночь. Как-то вдруг стало холодно. Она всё цеплялась, пыталась вернуть тепло. Она так испугалась тогда, начала одеваться, смеяться, плакать. Снова они целовались и разделись снова.

Он привёз её к дому, она всё говорила, говорила. Что боится пауков, у неё фобия. А в её квартире завёлся огромный паук, который так её напугал и Катюку. Та сидела два часа возле двери. Паук на стене, они смотрели друг на друга. Она его фотографировала. Говорит, он обладает интеллектом, и изучил их повадки. Потом Катюка как ниндзя пробралась к балкону, открыла дверь, и паук шмыгнул туда. Дверь закрыли, всё бы ничего, но там стоит стиральная машинка. Как теперь стирать?

– Какая же ты трусиха, – смеялся он.

– Ты не боишься пауков?

– Нет.

– Но этот обладает интеллектом. Он, возможно, умеет прыгать и плевать ядом. Ты придёшь завтра, ты, может быть, его прогонишь?

– Я приеду, – сказал он, – я завтра приеду и его прогоню.

Они целовались у подъезда, он ушёл. В квартире было пусто и тихо, в коридоре ещё стояли оставшиеся узлы, которые Катька заберёт на днях. Маша написала ему о своих чувствах, об одиночестве, что он нравится ей. Он ответил, что она ему тоже. Странно, она совсем не ощущала тепла. Ведь до этого же оно было. Откуда холод? Она наполнила горячую ванну, но не могла согреться.

Уснула в тревоге – ей снилось, как огромный паук пробрался-таки в комнату и навис над ней. Утром не было от него привычного «С добрым утром». Она нервничала. В четыре дня он обещал приехать, повезти её в парк. Он обычно писал за час: «Всё в силе, я выезжаю?». Он молчал. Маша смотрела на телефон, батарейка садилась у неё на глазах.

– Ты где? Ты приедешь? – не выдержав, написала она.

Он молчал, две серые галочки в WhatsApp. Маша смотрела до четырёх, они не становились голубыми. Она звонила – длинные гудки.

– Где ты, что с тобой? – писала она снова и снова, – что-то случилось?

Он не отвечал. Вдруг ей стало очевидно, что он больше не приедет. И не позвонит. У неё затряслись руки и всё тело. А если он попал в аварию и умер? Ответил уже ближе к вечеру, что уснул и не слышал звук телефона. Он не объяснял ничего, не спрашивал и не отвечал на вопросы. Потом уже она почему-то вспомнила про Амитриптилин в зеркальном шкафчике в ванной. Катька принимала четвертинку, когда

мучилась бессонницей. Надо было как-то уснуть.

– Кто он? – спрашивала Катька, чудом пришедшая за вещами, когда хлестала по щекам её и трясла за плечи. Та только и могла, что мычать, таблетки запивала вермутом.

Потом ей явился Архангел Гавриил, который подал трёхлитровый баллон с солёной водой и приказал пить. Конечно, любовь можно было найти на этом мобильном приложении. Долго потом драло у неё горло от этой любви.

Глава 4

Даниил Вадимович проснулся с тяжёлым, тревожным чувством, и не сразу понял, отчего. Он сел на кровати, всушил ноги в тапочки, потёр глаза. Вышел в ванную, умылся и уставился в зеркало. В зеркале он, наконец, вспомнил, – эта девочка. Ночью она написала в WhatsApp. Что за манера писать ночью? Не звонить, ничего не объяснять, просто написать как ни в чём ни бывало спустя пять лет после увольнения: «Увидела твоё объявление о работе, возьмёшь обратно?»

У неё трудности? Нет работы? Сейчас у многих трудности. Даниил Вадимович вздохнул, умылся и вытер лицо полотенцем.

Он ответил: «Приходи», – как ответил бы и через десять лет, если бы она написала. Теперь ему было тревожно втройне – не только из-за второй волны, кризиса, но и из-за этой девочки, с которой непонятно как расстались, и он долго ковырял себя за нерешительность. Девочки, которая металась по его офису, сменив три должности, боялась его, невинно так охмуряла, пьяная признавалась в чувствах и просто исчезла в итоге, швырнув ему заявление в лицо. Сказать по правде, писала заявление она три раза: два раза он её оставивал, а на третий не остановил. И снилась она ему потом, то в виде дьяволицы, танцующей на углях, то в виде

грустного, молчаливого ангела.

Даниил Вадимович высмотрел на чёрных волосах седину. Когда-то он её выщипывал, и вот сегодня захотелось выщипать, но слишком много бы ушло волос. Выдернул волосинку из носа. Трёхдневная щетина – пусть будет, чтобы не думала, что он готовился. Он отвечал небрежно: «Приходи во вторник, а лучше в четверг в десять». А лучше бы, совсем не приходи, – думал он. Сегодня был четверг, у него почему-то всё внутри дрожало. Жена ещё не знает. Будет крик, эмоциональный террор, что-то будет. Сможет ли он утихомирить бухгалтерию? Даниил Вадимович опустил голову. Почему всегда, когда она приходит, начинается война? Мир вокруг взрывается, когда появляется эта девочка.

Была в ней всегда эта революционная нотка, обострённое чувство справедливости, непереносимость к людским порокам. Хотя сама ведь не ангел. Любовь ко всякому слабому и угнетённому. Стоило ему выругать кого-то на планёрке или начальник отдела продаж ставил свои отгрузки первыми, перехватывал чей-то в резерве товар – она во всех разборках радела за слабых. Ему тоже хотелось быть слабым, но в его руках была власть, значит, она должна была его ненавидеть.

Он тогда ходил на тренинги для руководителей, пытался стать начальником, которого все боятся. Но, казалось, его не боится никто, особенно, секретарша. Она всё время была в оппозиции, смотрела на него как на узурпатора и норовила раскулачить. Вытребовать канцелярию для бедных и притес-

няемых менеджеров, кофе с печеньками, колбасу с сыром на инвентаризацию, а то как же они голодные будут считать склад. Для кладовщиков не созданы условия труда. И сидят эти сонные морды с печеньками, ежедневниками, разноцветными стикерами в форме сердечек. В командировку не выгнать, только волнуются, в каком ресторане будет новый год и вдруг карантин, как же они не набухают на халяву.

Уволить бы их к чёртовой матери, – думал Даниил Вадимович, – и набрать новых, голодных, с горящими глазами, которые ещё хотят что-то изменить. Благо их толпы шатаются безработных. Но было жаль, он их всё же любил в глубине души, даже их недостатки и слабости.

Знала бы она, как бывал он слаб душой, когда выносил выговоры или взыскания. А что делать, надо воспитывать. И как тяжело ему было выдерживать её постоянный бунт. Но она смотрела на него сверлящим взглядом, всегда была требовательна сверх меры. К нему, к её начальнику. Признаться, он боялся её, особенно когда допускал малодушие. Словно совесть его была заключена в ней, в этой девочке.

Где бы она ни появлялась, первым делом начинались разборки. Словно она своим одним присутствием вспарывала застаревшие нарывы. Так получалось даже если она молчала. Что-то происходило с реальностью, реальность вздувалась, пенилась и шипела, как от перекиси, не выносила её. Она была вся сплошная колючка и собой карябала мир, мир был не рад и хотел её выплюнуть, как чужеродный элемент.

Он хорошо помнил как она перешла из секретарей в помощники отдела продаж, и первым делом завела расследование, по просьбе региональных менеджеров – куда деваются инструменты, которые возвращают на ремонт. Далеко не всё к ним доходит отремонтированным. Часто был недогруз, до этого никто не хотел портить отношений.

С длинным списком пошла она на склад. Завскладом Людмила Станиславовна нервно пила чай в своей будке, не показывая носа. Кладовщики указали на гору коробок с инструментами, она начала отмечать в своём списке что есть, чего нет, и того, чего нет, оказалось больше того, что есть. Содрогнулся и склад и сервисный центр. Полетели к нему жалобы: наглая, дерзкая, невыносимая хамка. Она носилась с этим списком, Людмила Станиславовна пришла на ковёр, пустила слезу. Дескать, сколько работ сменила, никогда и ни в жизнь, а тут какая-то пигалица и её святую женщину подзревают.

Он очень разлился тогда. На неё, на эту девочку. Всё ему было противно, и эти слёзы, и дрожащие руки начальника сервисного центра, выгнал их из кабинета. Они ведь вместе начинали, стеллажи строили. Он никого не уволил тогда, хотя второй учредитель Глеб и хотел. Камер понаставили, теперь на компьютерах было видно как кладовщики рассекают по складу на роликах и ходит, переваливаясь, Людмила Станиславовна. Сделали инвентаризацию, остатки свели.

Ей же скоро надоело всё это расследовать и она перешла в

продажи. Парни посмеивались на каждой планёрке, она ведь ни черта не смыслит в электроинструментах и стройматериалах. Всегда норовили дать ей задание представить новинки. Она взяла водителя и поехала по окрестным деревням с набором журналов и визиток. Ездила на выставки, и он всё спрашивал у ребят: «Ну как там она, его девочка?» Они показывали снятые на смартфоны видео, где она то размахивает электропилой, то орудует гвоздезабивным пистолетом, то куском ламината чуть не снесла стенд конкурентов.

Она уезжала и привозила заказы. Визитки её разбирали, приходилось печатать новые. Что она там говорила клиентам, оставалось для него загадкой. Она так и не могла отличить шуруповёрт от дрели, водоэмульсионную краску от алкидной эмали. Но они часто звонили, приезжали, таскали цветы и пирожные, так что он даже ревновал. Звали её приехать с новым товаром, каталогами, или просто приехать. Парни, глядя на неё, тоже не хотели ударить в грязь лицом, потянулись в командировки. Уровень продаж был высокий в ту пору. Он был горд и на новый год вручил ей грамоту – она вышла в тройку лидеров.

Ту корпоративную поездку летом на море он помнил как вчера: во что она была одета, как пахла, как, разгорячившись в ресторане от вина, говорила, что непременно придёт в его номер ночью. Потому что весь день в кафе все повторяли его номер, на чей счёт записывать еду и напитки, так что когда её пьяную будут вести работники отеля, они спросят какой

у неё номер, она обязательно назовёт эту цифру. Он смеялся от этой шутки, но глупый ночью таки её ждал.

Конечно, она не спутала номер, но он до трёх ночи смотрел на настенные часы и прислушивался к скрипам, хохоту в коридоре, визгам в соседнем номере, где жила его жена с бухгалтерией. И где-то там на втором этаже была она с секретарем. Конечно, она ничего не спутала.

Жена ревновала ещё тогда, едва лишь он приближался к ней. Вся бухгалтерия была недовольна, жаловались на неё все. Он слышать ничего не хотел. Сегодня разорвётся граната, это надо выдержать, у него нет сил. Он еле пережил первую волну карантина, еле остался на плаву. Сердце заныло, когда она написала: «Возьмёшь меня обратно?». Что-то стряслось у неё. Что с ней делать? Что вообще делать? Он решил, что нужно позавтракать.

Даниил Вадимович вышел на кухню: жена готовила омлет с помидорами и ветчиной, он уткнулся в газету. Прирост заболевших, падение цен на нефть, доллар и евро скакнули, снова поднимутся цены, поставщики один за другим высылают письма уведомления и новые прайсы. Снова усиливают масочный режим, соседний город закрыли. Скоро и их постигнет эта участь? Второго карантина он не переживёт. Сумасшедший мир и новости, как триллер.

Жена начала что-то рассказывать: садик закрыт, у воспитательницы обнаружили ковид, а их новая няня курит, опаздывает и такая неряшливая, одежда у ребёнка вся пропахла

сигаретами, но дочка к ней привязалась. Не мешало бы установить камеру и за ней следить.

Он сделал движение лицом, показывающее, что утомлён, и жена притихла. Он собирался с духом? Нет, просто ел омлет и читал новости.

Она не заболела, жива, это уже хорошо. Вышла ли замуж? Не хотелось ему видеть на пальце её кольцо. В тот день она стояла в сарафане, рассматривая капли смолы на дереве и какую-то неизвестную птицу. Ждала его, или нет? Тогда он её поцеловал. А потом взорвался смех где-то рядом, и она упорхнула как птичка. Долго стоял он и думал, что этого не было. Ведь работу и чувства он не смешивал. Жена была давно уже его работой.

Надо было не останавливаться тогда. Она говорила, что придёт в его номер. Потом он рассматривал фотографии с той поездки, где она бродила по колено в воде и кокетливо улыбалась ему в камеру. Где, удерживая на ладони солнце, распускала свои тёмно-русые волосы, смотрела вдаль, и всё грустила, грустила. Тоненькая, двадцатилетняя, белокожая, всегда растрёпанная, немного сонная. Не красилась совсем, ресницы длинные, а губы мягкие. Странно, он не мучился о ней пять лет, за исключением тех времён, когда она писала эти длинные письма со своих странствий.

После той поездки на море она приходила угрюмая, вечно злая, начала дерзить, потом на планёрке, когда он ругался, что упустили крупную сделку по её вине, встала и ушла. Всё

куда-то рвалась, работать стала плохо, часто болела или притворялась. Потом притащила из спортивного магазина рюкзак на пятьдесят пять литров, сказала, что собирается в путь. На поиски себя куда-то, в Индию что ли. Написала заявление об уходе, передала клиентскую базу. Как же он не хотел её отпускать и напился в тот день.

А потом через время получил письмо. Она ему написала. Он был так обижен и зол, что не отвечал. Целые сутки. Потом написал – «Береги себя!». Она жутко обрадовалась, судя по количеству закрывающих скобок. С тех пор писала ему иногда, он читал, но не отвечал больше. Там было много всего и опасности тоже были. Он читал эти послания, как из другого мира и думал, почему она пишет ему? Не его ли она обзывала чёрствым сухарём, когда увольнялась? А может, ей больше некому писать? Ей было нужно, чтобы кто-то её видел, кто-то значимый, кому она доверяет. Потом она писала всё реже и совсем перестала. Но с праздниками поздравляла, и он в ответ поздравлял. Словно нужен был для неё повод, чтобы напомнить о себе, – «Вот я здесь, я живая, увидь меня».

Она ему как-то сказала: «Зачем меня терпишь?». Она играла в свою игру, в которой преуспела – убедиться в том, что от неё отрекутся. В том, что известно ей и всему миру – её невозможно любить. Да, он потом уже понял эту игру, он и сам в неё играл. Она его испытывала. И он выдерживал ведь, только заявление на третий раз подписал.

Странно, они вообще ни о чём не говорили таким, но на каком-то уровне они сближались. Даже когда её не было. Она тотально не верила людям, он это сразу понял.

И вот написала: «Возьмёшь обратно?». У него даже голова разболелась. Словно взять он её намеревался не на работу, а как пожизненный свой уже крест. Никогда не знал, как с ней обращаться – слишком хрупкая психика, сплошная истерика. Она его боялась, а потом ненавидела. Но какие писала ему поздравления. Было в ней много нежности, которая пробивалась редко сквозь эту озлобленность и бунт.

Даниил Вадимович доел омлет с ветчиной, кусочек сыра и перешёл к кофе. Жена одела дочку, та вышла, хныча. Он поцеловал её в сонное личико. Дочь уселась рядом, не отпуская руку отца, и принялась нехотя ковырять омлет. Жена гудела феном в ванной. Даниил Вадимович глянул в окно: город был сырой, мрачный, небо затянуто тучами.

Глава 5

В офисе тихо – все бродят, как сонные мухи. Даниил Вадимович хотел было устроить разгон бухгалтерии по поводу недостающих документов, но отложил. Не сейчас, нет сил. Зашла беременная секретарша, круглая, как луна, во взгляде коровье спокойствие. Он взглянул на часы – пятнадцать минут десятого. Как она пройдёт? Пропускная система... Может, у неё остался пропуск? Ну, пусть звонит, он пошлёт Марину. А может, пусть не приходит совсем. Он открыл папку сервера, добрался до фотографий с кипарисами, полистал, закрыл.

Куда её посадить? В какой кабинет на время, пока прежняя секретарша не уйдёт? Она спрашивала, а он не знал, что ответить. Он бы посадил её к себе на колени, чтобы она просто сидела, а он гладил её, убирал на время деловых переговоров, прятал куда-нибудь в шкаф, а потом доставал. Впрочем, он размечтался, а сажать её нужно уже сегодня, или со следующей недели.

Он собирался неспешно искать кого-нибудь минимум месяц. Взглянул на часы – половина десятого. У него застучало в ушах. Вздрогнул от резко открывшейся двери – менеджер Никита принёс на подпись счета. Этот умудрился сделать продажи ничуть не хуже из дома даже в карантин. Какие-то дагестанцы, где он их находит, но платят, платят. Да-

нийл Вадимович подписал, не придираясь к ценам. Пусть работает. Кто-то уволился со скандалом, кого-то пришлось уволить, фирма трещала по швам, этому всё побоку – кризис не кризис.

Пришла жена с бумагами, начала зудеть на менеджеров... Как же она его раздражала, но выслушал – надо держать лицо. Без пятнадцати десять жена ушла. Он сходил туалет, вернулся, открыл окно и закрыл. Протёр руки антисептиком, вздохнул, взял ручку, набросал приказ, отложил. Начал печатать электронное письмо, забыл кому. Открыл почту, прочитал про новинки, посмотрел на часы – без двух минут. Ровно в десять схватил ртом воздух и замер. Часы тикали: тик, так. Заиграл телефон, он поспешно взял трубку. Она.

– Привет, у меня пропуска нет, кто-то выйдет открыть мне дверь?

– Сейчас выйдет секретарь, – сказал он и вызвал Марину. Скомандовал выйти, впустить эту женщину. А лучше не впускать. Марина послушно кивнула, прошло семь минут, слышались шаги, голоса, дверь распахнулась. Она на пороге. О Боже!

– Что с волосами? – воскликнул он.

Она рассмеялась, – я стала вампиром и пью человеческую кровь.

– Ну, это ты умеешь, не сомневаюсь.

– Ну, привет, – сказала она, – всё хорошеешь? Без маски сидишь, не боишься? – она прошла в кабинет, взяла со стола

антисептик, капнула на ладонь.

– Привет, – он встал и сел, – это новая мода такая?

– Так, причёска.

Он смотрел на её пальцы, размазывающие гель. Кольца нет. Какие-то все в ссадинах и царапинах кисти. Она заметила его взгляд и поспешно спрятала за спиной руки, пахнущие спиртом. Он указал ей взглядом на кресло.

– Ну, как ты тут без меня?

– Так, пойдёт. Секретарша вот надумала размножиться.

– Ну что, мне анкету заполнять, или так рассказать про свой опыт, пока меня не было? Впрочем, там ничего интересного. Ты ведь возьмёшь меня?

– Давай так поговорим, потом заполнишь анкету, – он шарил по столу в поисках каких-то бумаг, потом перестал, сложил руки в замок и уставился на неё.

Снова этот деловой тон и взгляд, ему это нравилось. Как будто и не уходила или ушла в отпуск на пару недель, а не на пять лет. Ему захотелось встать, выйти с ней и не возвращаться. Где-то жить вдвоём в крошечном домике на берегу моря, ходить в кипарисовую аллею, телефон отключить. Да пусть она хоть на лысы побреется, только будет.

Он начал рассказывать про свои дела, должностные обязанности, которые она и так знала и дополнительную работу в связи с сокращением сотрудников. Она слушала, кивала, покусывая губы. Ни следа от того детского кокетства – словно она прожила три жизни, словно это очень взрослая стала

душа, познавшая много печали. В кабинет заглянула его жена, округлила глаза и шумно захлопнула дверь. Послышался грохот каблучков под грузной походкой.

«Началось» – подумал он и вздохнул.

– Началось? – засмеялась она.

Кто-то из девочек побежал к кулеру за водой, искали аптечку.

– Ну, ничего, – думал он, – поход к психиатру, Велаксин длительно, в первые три недели Галоперидол и Седалит в микродозах – будет как огурчик. Главное, чтобы баланс сдала вовремя. Только бы ему самому не понадобился Галоперидол, когда эта девочка снова исчезнет. Она ведь так любит исчезать. Почему у всех женщин рядом с ним вечная депрессия? Неужели, так плохо рядом с ним? Куда же её посадить?

– Ты куда меня посадишь? – спросила она.

«Подальше от жены», – подумал он.

– Наверное, подальше от бухгалтерии? – сказала она.

– Давай пока сядешь в отдел снабжения к Петру Николаевичу. Марине осталось работать где-то месяц, может меньше, потом займёшь её кабинет.

– К Петру Николаевичу я согласна, – кивнула она.

– Вызовем программиста, он обустроит рабочее место, установит на компьютер программы. В понедельник всё будет готово. Марина передаст дела. Петр Николаевич введёт в курс дела в моё отсутствие. Дополнительно будешь помогать сервисному центру, принимать заявки на ремонт, передавать

мастерам. Работы много. Потом мы наймём на эту должность отдельного человека, но пока ты по совместительству.

– Хорошо, – ответила она.

– Ну, значит, в понедельник выходи.

– А ты не мог бы, – она запнулась, посмотрела в пол, – не мог бы выдать мне аванс?

Он достал со стола красноватую бумажку и положил на стол.

– Столько хватит?

– Хватит, – она схватила её и сунула в карман. Он только сейчас рассмотрел во что она одета: джинсы, и серебристый топ на бретельках, из-под которого выглядывали черные лямки бюстгалтера.

– Хорошо, тогда до понедельника? – она подошла к двери. Взявшись за ручку, остановилась и обернулась

– Слушай, спасибо, – сказала.

– Ну, пока особо не за что, – смутился он.

– Спасибо, что так ответил – приходи. Ничего не спрашивал, не иронизировал. Просто приходи. Мне это было нужно. Иногда нужно, чтобы кто-то ждал.

Она повернула ручку, открыла дверь и ушла. Он смотрел в окно и видел, как она шла по тротуару. Джинсы обтягивали бёдра, лёгкий серебристый топ дрожал от ветра. Увидела трамвай и побежала на остановку. Шестёрка... На юбилейном живёт?

Он всё смотрел на задержавшийся на перекрёстке трам-

вай. С другой стороны к нему бежала светленькая девушка в бежевом платье. Навстречу ей велосипедист, она совсем не смотрела на дорогу, и он её сбил. Сумка подлетела, перевернулась в воздухе, девушка упала. Телефон отлетел в сторону. Она, кажется, расплакалась, но всё же, успела запрыгнуть в трамвай. Он смотрел вагону вслед, пока он не скрылся из виду.

Запахло Корвалолом, что-то нашли в аптечке. Захотелось и ему накапать. Кажется, взрыв миновал, он уцелел. Его уже ничего не волновало, только руки её в каких-то странных ссадинах, и эта странная причёска. Дождь начался, он открыл окно, свежий воздух бил в лицо, он смотрел на капли, разбивающиеся о карниз.

Глава 6

– Граждане, наденьте маски, – закричала кондуктор, необъёмная женщина, рассекая людскую толпу, как танкер.
– На линии работает контроль.

Маша стояла, ухватившись за поручень и долго рылась в сумке в поисках кошелька. Слезы лились из глаз, впитываясь прямо в маску. Она осмотрела ссадины на локте и коленке, разбитый экран смартфона.

– Вряд ли с этого уже можно кому-то позвонить, – услышала над ухом чей-то голос. Подняла глаза и вздрогнула. На неё смотрели два серых глаза, над которыми колыхалась огненная грива.

– Да уж, – сказала Маша, – велосипедист этот. Денег даже не предложил, говорит, это динозавр, а не смартфон.

– Ну, в чём-то он прав, – красноволосая засмеялась, Маша нахмурилась.

– Меня Машкой зовут, – сказала она и протянула руку.

– Ой, – тут же одёрнулась, – вирус же.

– И меня Машей, – улыбнулись заплаканные глаза.

– Приятно познакомиться, давай сядем.

Они сели на освободившиеся сидения и разговорились так, как это бывает иногда с незнакомцами, которые вдруг становятся близкими.

– Слушай, а давай роллов поедем. Так задолбала изоля-

ция. Я сегодня на работу устроилась, мне аванс дали. Сто лет не ела роллов. Ты как, выпиваешь?

– Выпиваю, – сказала Маша, – порой без анестезии не вынести.

– Хорошее кафе мы проехали, надо выйти и пройти назад квартал.

В кафе было тихо, людей никого. Официанты в пластиковых прозрачных шлемах на входе ударили в гонг. Отдельные комнатки, огороженные бамбуком. Девушки сели возле окна, заказали причудливый сет, где и острые, и запечённые. Смотрели в телевизоре на приготовление японской еды. На улице дождь, люди с зонтами куда-то бегут. Так уютно смотреть на них, никуда не спешить. Они пили пиво, пока ждали еду и быстро пьянели.

– В итоге он меня бросил, – рассказывала Маша в сто первый раз свою несчастную любовь. – Исчез. Растворился в тумане. Я была в таком коматозе. А я как дура готовилась, волновалась, платье новое купила. Шугаринг этот грёбанный делала. Сахар варила с лимонным соком сама, представляешь? Хотела в салон пойти, всё закрыто. Горячей карамелью себя мазала, сдирала вместе с волосами. Все волосы удалила, было дико больно. И в итоге такое кидалово, – она сморщилась как от головной боли, обмакнула филадельфию в соевый соус.

– Теперь вообще, даже подмышками брить не буду. И ноги.

– Так даже теплее зимой, – засмеялась Машка, допивая второй стакан и подзывая официанта. – А вообще, конечно, я тебе сочувствую, подруга.

– А знаешь, он прав, что меня бросил, – сказала Маша с полным ртом.

– Да брось ты, мало ли на свете мудаков? Из-за каждого себе самооценку портить.

– Да нет, он прав, – Маша чуть не подавилась. – Я скучная, любить меня в долгосрочной перспективе неинтересно. Я не яркая личность. У меня даже хобби нет, кроме книжек. Ничего меня не цепляет, ничего не интересует. Всё чаще тоскливо и одиноко, сколько себя помню. Я смотрю на людей, они как-то вовлечены в жизнь, сбиваются в стаи, выют гнёзда, а я всё одна, одна, словно всё это мимо меня. И вот попытка выйти из этого обернулась таким кидаловом. Словно я проклятая, не могу найти пару! Если общаюсь с людьми, в основном мне хочется сбежать. Но и одной тоскливо. Хочется к людям, и снова сбежать. Словно это общение не даёт мне того, что нужно. Понимаешь? Всё пытаюсь найти своих и не могу их найти, как этот кит, самый одинокий в мире.

- Что за кит?

- Есть один кит, его наблюдают учёные с восьмидесятых годов. Он необычно поёт, на частоте пятьдесят два герца. Это более высокая частота, чем у обычных китов: пятнадцать-двадцать герц. Он единственный поёт на такой частоте, поэтому другие киты его не слышат. Он самый одинокий

кит в мире. Представь, он поёт, зовёт свою самку, а его никто не слышит. Никто.

– Кошмар, как грустно, – сказала Машка и уронила голову.

– Вот и я зову, зову, а меня никто не слышит.

– Ладно, сестрёнка не грусти! Услышит тебя твой кит.

– Ага, услышит.

Они попросили ещё имбиря. Имбиря всегда мало. Глаза слезились, то ли от подступающих слёз, то ли от опьянения.

– У него такая красивая эта вещь, – сказала Маша, поглаживая пальцем запотевший холодный стакан. – Гладкая, как баллистическая ракета. Хоть бы поговорил со мной! Зачем просто так исчезать! Я же человек, мне больно! Поговори со мной, я всё пойму. Хотя, нет, не пойму. Просто не исчезай! Так хочется прибить его чем-то тяжёлым. По башке треснуть.

– Прибить, это можно! – сказала Машка, это я умею. – Давай ему треснем.

– Или расцарапать ему лицо, а лучше машину.

– Маша уставилась в окно, подперев кулаком подбородок и немного шаталась. – Написать на капоте МУДАК!

– Хорошая идея! А где он живёт?

– На Фестивальном.

– Диктуй адрес, забью в 2гис!

– Да ты что, я пошутила. Нас ведь поймают и арестуют.

– Нас не поймают, не ссы.

– А я не знаю его адрес, – Маша наморщила лоб, – мы встречались в гостинице, он с родителями живёт.

– А не с женой случайно? Имя, фамилию?

– Я не знаю фамилию! Я вообще ничего толком про него не знаю!

– В следующий раз, когда будешь спать непонятно с кем, хотя бы узнай, где он ставит свою машину. А дай-ка мне его номер, я попробую выяснить. Есть в телеге одна прога.

– Номер, – Маша порылась в сумке и достала свой разбитый смартфон.

– Да уж, динозавр. Ну, этот вопрос мы решим, – они выпили ещё по пиву, Машка жестом попросила счёт.

– Тут недалеко есть салон, там отличные смартфоны.

Официант принёс счёт, Машка засунула красноватую бумажку и дождалась сдачи. Они доели, сколько смогли, а что не смогли, попросили завернуть с собой.

Вышли на улицу. Уже стемнело, дождик всё ещё накрапывал, но люди бродили теперь без зонтов.

Они вжали головы и зашагали в сторону центра. Машка шла размашистыми шагами, широко разбрасывая руки. Новая подруга семенила рядом, почти бежала. Машка не выпускала сигарету из зубов, периодически поджигая новую. Предложила другой, та затянулась, и изошла кашлем как от ковида. Дошли до магазина со смартфонами.

– Послушай, – смутилась Маша, я боюсь, что у меня денег не хватит.

– Пойдём, – подруга порылась в рюкзаке, достала два Чупа-Чупса и протянула ей один. – Посмотрим, что там есть.

В салоне молоденький продавец, симпатичный, но под маской не видно – только глаза огромные с пушистыми ресницами.

– Вот отличные модели, на них сегодня акция! – суетился он.

– Такой шлак нам не нужен, – сказала Машка, изучив витрину, и ткнула ногтем в стекло, – этот покажите!

Маша привстала на цыпочках, глянула в ценник и чуть не подавилась Чупа-Чупсом.

– Это очень дорого! – прошелестела она под маской.

Продавец вытащил смартфон и протянул его девушке с красными волосами.

– Андроид десятый, – сказала она, – пять тыщ аккумулятор, железо хорошее – процессор Snapdragon. IPS матрица, шестьдесят герц, Full HD плюс, NFC даже есть.

Маше мало о чём говорили эти слова, она видела только ценник и отчаянно сосала Чупа-Чупс.

– Камера хорошая, стекло Gorilla Glass, сканер отпечатка. Смотри, какой перламутровый весь, гладкий, как баллистическая ракета. Красивая вещь! – она подмигнула.

– Вы ведь нам сделаете скидку? – сняла маску и посмотрела сверху вниз на продавца. Он замялся.

– На эти модели скидок нет.

– Ну, Вы ведь можете сделать нам персональную скидку, –

она облокотилась на стойку так, что грудь слегка выкатилась из выреза. Ресницы продавца задрожали, взгляд забежал.

– Пять процентов.

– Пятьдесят.

– Десять, – больше не могу.

– Сорок, – Машка ела свой Чупа-Чупс так, что смотреть неловко. Потом высунула язык, красный от красителя и облизнула губы.

– Пятнадцать, больше не могу, меня уволят, – уши продавца покраснели и задёргались.

– Тридцать, – Машка вопросительно посмотрела на подругу.

– У меня нет таких денег! – сказала та, закатив глаза. Трубочка Чупа-Чупса вздрагивала под маской.

– Молодой человек оформит нам беспроцентную рассрочку, правда же, молодой человек?

– Надо сделать заявку в банк, – сказал он неуверенно, если кредитная история не испорчена и банк одобрит.

– Какая у тебя кредитная история?

– Никакой, – пропищала Маша.

– У девушки девственная кредитная история. Вы будете первым.

Парень попросил паспорт, дрожащими руками напечатал заявку, задавая вопросы про работу, зарплату, адрес регистрации. Умирающим от волнения голосом Маша отвечала.

– И стекло защитное наклейте, – командовала подруга, на-

висая над стойкой и заглядывая в монитор. Разгрызла карамельный шарик, добравшись до жвачки внутри. – И наушники хорошие вон те, – надула пузырь и лопнула продавцу прямо в лицо.

Через пять минут банк одобрил рассрочку, первый взнос через месяц. Они вышли на улицу, Машка залезла в Play market, углубляясь в дебри каких-то приложений, игр и выпала из реальности на время. Подруга терпеливо шагала рядом, ждала, когда ей отдадут её новый телефон.

– Гляди, в AnTuTu набирает двести семьдесят пять тысяч баллов, – то и дело она выкрикивала непонятные фразы. – Асфальт тянет на максималках! Аппарат зверь. Топ за свои деньги! Ну что, где этот перец, как сохранен в телефонной книжке? Мудак, на букву «м»?

– По имени сохранён.

– По имени? Не слишком много чести?

– Машка, давай сегодня машины царапать не будем, а? Поздно уже, я так устала. Давай в другой раз, а сейчас по домам.

– Ладно, как скажешь, – она протянула телефон. – Держи, играйся! – Маша взяла своё сокровище, тут же надела силиконовый чехол, который шёл в комплекте, чтобы не поцарапать.

– Ну, Машка, ну спасибо, я бы такой ни за что не купила!

– Не за что, обращайся! Вон шестёрка идёт, побежали.

Они подбежали к остановке и запрыгнули в трамвай.

– Ты такая смелая, – восхищалась Маша, разглядывая то телефон, то свою новую подругу. – Ты ничего не боишься! Я тоже хочу быть такой.

– Это потому что я сердце гадюки съела, – сказала она гордо.

– Да ладно, настоящей?

– Ага, во Вьетнаме. Она ночью заползла в мой домик. Как я оттуда выбралась, не помню. Парней местных позвала, они её поймали, кровь слили в стакан с водкой, а сердце вырвали. Оно у меня на ладони билось. Сказали, если съесть и запить кровью, потеряешь страх.

– Ого, – сказала Маша, – я бы на это ни за что не решилась. Вот бы мне хоть чуточку твоей смелости. У меня ведь на лице написано, что я терпила. «Бесхребетная» так меня мать называет. На работе мне невыносимо, ученики не слушают, начальство издевается, парень бросил, не могу больше этого терпеть!

– При входе, пожалуйста, надеваем маски, – слышался голос. – На линии работает контроль.

– А ты маску надень, – сказала Машка, вытащив из кармана свою помятую. Сейчас нельзя без маски.

Она порылась в рюкзаке и достала визитку.

– Держи, там хороший тренер, Анатолий Евгеньевич. Позвони ему, а лучше сразу иди завтра в семь вечера на тренировку. Сделает из тебя человека.

– «Клуб восточных единоборств. Тайский бокс». – прочи-

тала Маша. – Ты уверена?

– Уверена, – кивнула она. – Это то, что тебе нужно.

Маша зевнула. Посмотрела на свою боевую подругу, на людей в трамвае, проплывающий город в окне. Ей совсем не хотелось драться. Тело было расслабленным и сытым. Хотелось скорей оказаться в постельке.

– Откажись от этой идеи к кому-то прицепиться, – сказала Машка, – мы одни в этом мире и всем на нас плевать. Это печально, но с этим можно смириться. Научись себя защищать. Иди на тренировку. И у тебя будет легальный повод набить этим ублюдкам морду.

– Я боюсь, мне выбьют зуб, – Маша показала языком коронку в переднем ряду. – Металлокерамика, больше чем пол зарплаты отдала.

– Наденешь капу. На тренировках бить по лицу запрещено. На ринге конечно можно, но тебе пока рано. Ты слишком заиклена на внешности. Это неважно.

– Ну да уж, для женщины только это и важно.

– Все мы скоро будем гнить в земле, и нас будут жрать черви. Думаешь, им будет дело до твоей внешности? Ты не на том концентрируешься, нужно отпустить себя, дать себе волю. Нельзя быть слабыми. Нас некому защищать. Привыкай к боли – это и есть жизнь. Ничего не будет, кроме боли. Счастья не будет. Я вот тоже раньше плакала как ты, а потом стала драться. Ты не представляешь, какой это кайф зарядить кому-нибудь в челюсть. Даже хорошо поставлен-

ная колхозная двоечка делает разговор значительно проще. Освободи свой гнев, и ты увидишь, сколько в тебе силы! Она сметёт всё вокруг. Откажись от надежды на счастье, и ты обретёшь свободу.

Глава 7

Машка сидела перед монитором и печатала приказ. Дверь в кабинет была открыта, слышался голос руководителя – там у них была планёрка. Пять лет назад бывала на них, тряслась как осиновый лист. Он умел внушать ужас одним взглядом. Если какой-то косяк, у неё сжималось сердце. Вот и сегодня как обычно костерил всех. Санька за низкие продажи, вечные прогулы и замусоленную рубашку. Санёк, опухший как от вечной пьянки, стоит возле двери и смотрит в пол. После криков все разойдутся, и всё будет как было. И руководитель успокоится на время.

Он всегда и всем недоволен, Машка помнила, как он её изводил придирами. Ей казалось, он ненавидит её только за одно существование. Но потом выяснилось – это такая форма любви. Она в него сразу влюбилась и ушла в продажи, чтобы только не быть с ним рядом. Он не хотел её отпускать, она саботировала работу, организовав свой перевод в отдел продаж и найдя нового секретаря. Машка изучала товар, ездила в командировки. Парни смеялись, но когда она получила грамоту, перестали. После последней поездки на море, не могла больше выносить этой близости при отсутствии такой. Всё чего-то ждала, хотела продолжения. Написала заявление, а он даже не попытался остановить.

Маша допечатала приказ и отправила общим электрон-

ным письмом. Потёрла глаза, разболевшиеся от монитора. А всё же хорошо здесь, словно она где-то ходила, блуждала, и вот вернулась. Прибилась куда-то и можно перевести дух. Иногда так нужно – взять и остановиться.

Здесь, среди нормальных людей она тоже становилась нормальной. Нормальные люди спят по ночам, утром ходят на работу. Есть правила, обязанности, распорядок. Машка тоже вся собралась, структурировалась. Не так важно, что делать, важно делать, чтобы была иерархия, чтобы слишком не терять себя в том беспорядочном образе жизни, который она вела.

В кабинет заглянула Яна заместитель главного бухгалтера, редкостная стерва. Машка нахмурилась, сейчас она заверещит своим скрипучим голосом. Помнила, как грамотно она её выживала. За год поднялась до заместителя главного бухгалтера, потому что умело лижет задницу его жене. И всем лижет, когда это выгодно. Яна высказала претензии логисту и ушла, оставив мерзкий приторный запах духов.

Зазвонил телефон, в трубке его голос: зайди ко мне. Она всегда возбуждалась от таких звонков. Было в этом что-то жутко эротичное. Как часто ей казалось, когда она к нему зайдёт, что он закроет дверь на ключ и будет что-то не про работу. Но они говорили только о работе. И даже не говорили о том, что произошло в кипарисовой аллее и тех признаниях в ресторане. О том, что она к нему постоянно хочет лнуть, и ощущает желание, смешанное с болью и страхом.

Она приходила к нему, садилась напротив, он начинал говорить. Давать задания, распоряжения или как обычно за- нудствовать. Она его разглядывала и куда-то отлетала. Лоб высокий, морщины горизонтальные. Парочка вертикальных между бровями. Брови. Глаза. Рот. Он им говорит. Водичку холодную из стаканчика пьёт. Эротично. Рубашка застёгнута на все пуговички. Шея из-под рубашки. Руки. Он всё время что-то вертел в руках, скрепочку скручивал. Делал из скрепочек фигурки.

– Маша, ты меня слышишь?

– Да, – она вздрогнула.

– Ты вот сейчас слышала, что я сказал?

– Слышала, конечно.

– Повтори. Понятно. Нужно подкорректировать прайс, – он взял скреплённую стопку листов и начал чёркать цены, опять повышая.

– Маша! – сказал он, посмотрев на неё выразительно. – Я хотел сказать тебе.

– Да, Даниил Вадимович.

– Вот здесь поменяй и здесь, – он подал ей прайс. – И разошли менеджерам.

– Хорошо, – сказала она и подумала: то поманит, то отморозит. То в глаза заглядывает с видом подбитого пса. То ходит и в упор не видит. Как это делается у женщин? Подавать сигналы, какие-то ритуалы? Как себя подать? Я могу только дать в табло.

– Маша, ты не могла бы, – сказал он вкрадчивым голосом, – вести себя помягче с Людмилой Станиславовной? Она содрогнулась, когда ты пришла.

Маша закатила глаза: ну-ну, донесла уже, сексот. Сама начала наезжать, а потом они умеют вывернуться, хитроделанные, выставить меня виноватой.

– Я ей слова не сказала!

– Я ни в чём тебя не обвиняю, ничего не говорю. Просто делай скидку на возраст.

– Что же теперь с твоей скидкой человеку позволить себе на голову сесть? Странная логика.

– Машенька.

– Хорошо, я буду мягче.

– И с отделом сервиса, и с бухгалтерией.

– И с сервисом и твоим серпентарием.

Она встала и направилась к выходу.

– Стой, – сказал он, и она остановилась, – а нет, иди.

– Задолбал, – вышла и захлопнула дверь. – Лучше бы трахнул, чем морали читать.

Подошла к окну в коридоре, открыла. Ветер приятно холодило лицо, шею. Зачем наряжается? Сапоги лакированные купила... В бухгалтерии сказали, сапоги гавно. Значит, не зря потратилась. Такая красивая ходит, а ему хоть бы хны. Всё повторяется – как пять лет назад, когда он проповедовал, что жениться нужно один раз, и он свой лимит исчерпал. Разве надо жениться? Ей это давно неинтересно. Он ведь сам

начал свои поползновения. Ей тогда было вообще не до того. В ту пору, после очередной затяжной депрессии, у неё не было сил выходить из дома, она даже не могла встать и приготовить еду. Целыми днями спала, а просыпаясь, редела, из-за какой-то невыносимости бытия. В один момент обнаружила, что есть нечего, нужно срочно бежать и работать. Начались приступы паники, страшно было выходить из дома. Она начала звонить по объявлениям. Куда возьмут её в таком состоянии? Никуда не брали.

Его офис располагался рядом с её, в ту пору съёмной, квартирой. В пешей доступности. Она подумала: «Нужно сходить, совсем близко, не страшно», но всё откладывала. Не было сил придумывать ответы на тупые вопросы эйчаров. Казалось, они насквозь видят, какой ненадёжный она товарищ, как побоку ей на весь их карьерный рост. Но она всё же позвонила. Там не задавали вопросов, просто говорили – приходите.

В первый раз дошла до здания, взглянула на себя в стекло витрины: тёмные круги под глазами, измученный вид. Надо было глаза хоть накрасить засохшей где-то тушью, придать себе человеческий женский вид. Вернулась домой. На следующий день снова сделала попытку. Секретарь дала ей анкету и ручку, словно она была нормальной, провела к нему.

Странное собеседование, он даже не задавал вопросов, говорил так, словно хотел помочь. Он сказал потом, что сразу понял, что она свой человек. Позвонил в пятницу, а в поне-

дельник она вышла, и денег у неё не было даже на проезд, если бы пришлось ехать. Сначала было сложно просыпаться по утрам, вникать в рабочие моменты, организовывать мероприятия, ничего не забывать и планировать его день. Она думала, что не в состоянии связать и двух слов. Оказалось, она умеет работать и быть полезной. Потом она от него ушла снова в депрессию и путешествия, порой психоделические. Потом было вообще чёрт-те что, о чём лучше не вспоминать. А сейчас у неё снова режим, ранний подъём. Надолго ли её хватит? Цыганка ей нагадала, что есть один, с той прошлой жизни, который тебя любит, но никогда ни на что не решится. Долг его держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.